

Ресурсно-технократическая и человекоориентированная модели экономики: сравнительный анализ парадигм развития*

Resource-Technocratic and Human-Centered Models of the Economy: a Comparative Analysis of Development Paradigms

Е. ЯНГИРОВА

Янгирова Елена Ирековна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой стратегического управления Института экономики, управления и бизнеса ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».
E-mail: beglovaelena75@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска новых источников экономического развития России в условиях достижения пределов роста в рамках сложившейся модели и усиливающихся социальных вызовов. В статье проведен компаративный анализ двух полярных парадигм: ресурсно-технократической и человекоориентированной для выявления существенных различий по таким критериям, как целеполагание, роль человека, управление, отношение к технологиям и социальные последствия. В работе сделан вывод об объективной необходимости перехода России к человекоориентированной модели, опирающейся на воспроизводимый человеческий капитал, партисипативное управление, диверсифицированную структуру экономики с развитой креатосферой.

Ключевые слова: ресурсно-технократическая модель развития, человеко-ориентированная экономика, человеческий капитал, устойчивое развитие, социальное неравенство.

Abstract. The relevance of the research topic stems from the need to identify new sources of economic development in Russia under conditions in which the existing model has reached its growth limits and social challenges are intensifying. The article conducts a comparative analysis of two polar paradigms – the resource-technocratic and the human-centred – in order to identify their essential differences according to such criteria as goal-setting, the role of the individual, governance, attitudes towards technology, and social consequences. The study concludes that there is an objective need for Russia to transition to a human-centred model based on reproducible human capital, participatory governance, and a diversified economic structure with a developed creatosphere.

Key words: resource-technocratic development model, human-centred economy, human capital, sustainable development, social inequality.

Основные положения

1. Проведен компаративный анализ двух полярных моделей экономического развития: ресурсно-технократической и человекоориентированной по следующим критериям: философские основания и целеполагание, подходы к экономическому управлению, ресурсная база и источники роста, социальные последствия и риски, структура экономики.
2. Раскрыты SWOT-компоненты ресурсно-технократической и человекоориентированной моделей применительно к России, систематизирующие их сильные, слабые стороны, возможности и угрозы.
3. Обоснован риск «застывания» российской экономики между анализируемыми парадигмами вследствие сохранения инерции ресурсно-технократического подхода и слабой институциональной базы.

Введение

Господствующая на протяжении последних нескольких десятилетий в России ресурсно-технократическая модель экономического роста, опирающаяся на интенсивную эксплуатацию

* Ссылка на статью: Янгирова Е.И. Ресурсно-технократическая и человекоориентированная модели экономики: сравнительный анализ парадигм развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 5. С. 4–9. DOI 10.34773/EU.2026.5.1.

природных ресурсов, демонстрирует тенденцию к исчерпанию. Эмпирическое подтверждение получают тезисы о достижении «пределов роста». Так, например, И. Туруев, А. Беляков [8] в 2013 г. прогнозировали неизбежность замедления темпов развития российской экономики до 2–3 % в год. И действительно, если проанализировать темпы роста ВВП России за 2015–2025 гг., то среднегодовой темп прироста ВВП составит лишь 2,3 %.

Все более ускоряющееся развитие роботизации, автоматизации, цифровой трансформации, а теперь и искусственного интеллекта меняют сложившуюся занятость и способствуют ее сокращению. В России, по оценкам А. Митрясовой [5], свыше 20 млн рабочих мест в ближайшие годы могут быть автоматизированы. А более 45 % среднесписочной численности работников столкнутся с необходимостью смены квалификации или угрозой безработицы.

С. Капканщиков полагает, что именно сырьевая модель приводит ко все более беспрецедентной концентрации богатства, нарастанию разрыва между богатыми и бедными слоями населения [4]. Бедность же в современной России приобретает все более неоднородный характер, в ее составе повышается доля «бессрочных», «затяжных» групп бедных домохозяйств [1].

Официальные статистические данные подтверждают усиление неравенства (табл. 1).

Таблица 1

Показатели неравенства доходов в России за 2005 и 2025 гг.

Показатель	2005 г.	2025 г.
Коэффициент фондов	15,2	16,0
Доля доходов 10 % наиболее обеспеченного населения	30,1 %	30,8 %
Доля доходов 10 % наименее обеспеченного населения	2,0 %	2,0 %
Доля доходов 20 % наиболее обеспеченного населения	46,7 %	47,6 %
Коэффициент Джини	0,409	0,422

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Из таблицы видно, что на двадцатилетней дистанции практически все показатели неравенства повысились, а коэффициент Джини в 2025 г. достиг своего исторического максимума. Не изменилась лишь доля доходов 10 % беднейшего населения. Это говорит о том, что положение самых бедных не улучшилось, а неравенство тормозит развитие экономики.

Многочисленные санкции показали хрупкость глобальных цепочек поставок и актуализировали поиски сохранения экономической устойчивости России. Так, Н. Городновой [3] на основе экономико-математической модели показано, что индекс технологического суверенитета России находился в 2025 г. на критически низком уровне и не может быть увеличен лишь за счет точечных решений по импортозамещению.

Таким образом, все вышеизложенное создает объективные предпосылки для переосмысления фундаментальных основ экономической деятельности. С традиционной парадигмы, во главе угла которой стояли производство и потребление ресурсов, экономика должна переориентироваться на человека, его потребности и стать человекоориентированной. То есть рост производства перенацеливается на создание условий для раскрытия человеческого потенциала. А в сфере управления экономикой все более явно формируется запрос перехода от иерархических концепций к партисипативным, с участием широких слоев населения. Необходимость подобного переосмысления находит подтверждение, в частности, в исследованиях С. Насыровой, которой не только раскрываются концептуальные основы человекоориентированной экономики как системы взаимодействия ее сфер, в которой человек выступает ядрообразующим компонентом, но и предлагается комплексная методика оценки ее развития, позволяющая объективно анализировать степень удовлетворения потребностей человека в различных экономических системах [6; 7].

Эти модели – не просто глубоко различающиеся экономические стратегии, но и противоположные философии развития. Первая – ресурсно-технократическая – видит в человеке лишь один из факторов производства и ведет поиск его эффективного использования наряду с другими

ресурсами, вторая – человекоориентированная – превращает человека в центрального субъекта. В связи с этим актуальным является сопоставление этих двух конкурирующих моделей.

Целью работы является системный компаративный анализ ресурсно-технократической и человекоориентированной моделей по ключевым преимуществам, недостаткам, рискам и перспективам реализации в условиях современной российской экономики.

Методы

Методологическую основу исследования составил сравнительный (компаративный) анализ, нацеленный на выявление различий между ресурсно-технократической и человекоориентированной моделями по оцениваемым критериям. Кроме того, в работе применены общенаучные методы анализа и синтеза.

Результаты

1. Модели фундаментально различаются по философским основаниям и целеполаганию. В ресурсно-технократической модели рост производительности и научно-технологическое развитие рассматриваются как главные средства максимизации эффективности использования ресурсов. В рамках данной парадигмы человек – это лишь взаимозаменяемый элемент производственной системы. Человекоориентированная же модель провозглашает в качестве конечной цели всестороннюю самореализацию человека. В результате первая парадигма опирается на валовые и среднестатистические, натуральные и стоимостные показатели, а вторая – на качественные показатели человеческого развития и субъективного благополучия.

2. Значимые различия можно отметить в подходах к экономическому управлению. Ресурсно-технократическая модель подразумевает концентрацию властных полномочий в руках узкого привилегированного круга лиц, опирающихся на собственные, как правило, закрытые данные, расчеты и экспертизу. Подобное управление несет в себе большие риски коррупции и вступает в противоречие с демократическими принципами. Человекоориентированная модель, наоборот, строится на принципах партисипативного управления. Здесь особо релевантной является концепция «четверной спирали», предложенная Э. Караяннисом и Д. Кэмпбеллом [9]. Они предлагают создавать технологии не ради самих технологий, а для улучшения качества жизни и удовлетворения потребностей людей. То есть технологии – это инструмент не отстранения человека от производственного процесса, приводящий к безработице, а способ расширения его творческой самореализации. В результате в процесс принятия решений вовлекаются не только государство, но и граждане, представители бизнеса и институтов гражданского общества, СМИ, науки и образования.

3. По-разному модели рассматривают ресурсную базу и источники роста. В ресурсно-технократической модели главные – природные ресурсы, а технологии – это способ их максимального освоения. Такая экономика имеет исчерпаемый потенциал и ограничения развития в виде сырьевых пределов роста. Основным ресурсом человекоориентированной экономики выступает человеческий капитал (знания, навыки, компетенции), который может не просто воспроизводиться, но даже расширяться по мере использования.

4. Ресурсно-технократическая модель по сравнению с человекоориентированной несет в себе существенно более значимые социальные последствия и риски, поскольку концентрация ресурсов и властных полномочий в руках ограниченного круга лиц ведет к росту социального неравенства и безработицы. Общество дегуманизируется, так как научно-технологический прогресс находится в приоритете над человеческими ценностями. Человекоориентированная же модель нацелена на инклюзивность, снижение неравенства, социальную защиту, повышение занятости через переобучение, ее гибкие формы, поддержку самозанятости и предпринимательства.

5. Различия возникают и в структуре экономики. В ресурсно-технократической модели структура преимущественно «тяжелая»: добывающая промышленность, машиностроение, энергетика. В свою очередь, в человекоориентированной экономике импульс получают социальные, сервисные, информационно-цифровые отрасли, а особенно креатосфера, которая в дальнейшем становится катализатором развития всей экономической системы. В целом же структура

экономики перестраивается в системную последовательность отраслей, удовлетворяющих потребности человека от базовых до высших – познавательных и творческих.

Обсуждение

В целях систематизации приведенных выше тезисов проведено сопоставление SWOT-компонентов анализируемых моделей (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление SWOT-компонентов ресурсно-технократической и человекоориентированной моделей применительно к России

№ п/п	Компонент	Ресурсно-технократическая модель	Человекоориентированная модель
1.	Сильные стороны	1) опора на традиционные природные ресурсы и сложившиеся многолетние процессы их извлечения; 2) относительно более быстрое по сравнению с человекоориентированной моделью принятие решений вследствие концентрации власти и ресурсов в руках ограниченного круга лиц; 3) однозначно понимаемые количественные и объемные показатели развития	1) ставка на воспроизводимый человеческий капитал (знания, навыки, мотивация); 2) снижение неравенства через инклюзивные институты; 3) партисипативное управление через включение граждан и общественных институтов (концепция «четверной спирали»); 4) диверсифицированная структура экономики (включая креатосферу в качестве катализатора устойчивого развития)
2.	Слабые стороны	1) пределы роста вследствие истощаемости природных ресурсов; 2) падение сырьевых доходов, отсутствие предпринимательской инициативы; 3) усиление технологического отставания; 4) техническое воспроизводство человеческого капитала, человек – вид ресурса; 5) «тяжелая» недиверсифицированная структура экономики	1) сложность перехода, обусловленная высокой инерцией ресурсно-технократической модели; 2) необходимость радикального переоснащения системы воспроизводства человеческого капитала; 3) неоднозначность измерения, мониторинга и администрирования качественных показателей (человеческого развития, субъективного благополучия).
3.	Возможности	1) кратковременная мобилизация ресурсов для отдельных, точечных проектов; 2) наращивание добычи ресурсов и глубины переработки при сохранении сложившейся структуры экономики	1) реальная альтернатива истощаемому сырьевому вектору развития; 2) совершенствование структуры экономики: рост высокотехнологичной занятости, развитие информационно-цифровых отраслей, когнитивной экономики, креатосферы; 3) искусственный интеллект как усиление творческой самореализации, а не фактор безработицы людей
4.	Угрозы	1) нарастание социального неравенства и безработицы; 2) дегуманизация общества вследствие проекции инженерного мышления на человеческие ценности; 3) конфликт с демократическими принципами	1) сложность преодоления сопротивления элиты, не готовой делиться властью и ресурсами; 2) риск половинчатой трансформации и «застывания» между двумя приведенными парадигмами; 3) нехватка воли и сил для смены «цивилизационного кода», необходимого для перехода к человекоориентированной модели и затрагивающего фундаментальные основы мировоззрения

Источник: составлено автором.

Для России ресурсно-технократическая модель обладает преимуществами в краткосрочной мобилизации ресурсов и традиционной управленческой логике. Однако в стратегическом плане она несет в себе конечность ресурсов и риск «ловушки», в которой опора на добывающие отрасли и централизация управления усиливают технологическое отставание, социальное неравенство, межрегиональные диспропорции развития до уровней, несущих угрозы национальной устойчивости и безопасности. Поэтому переход на человекоориентированную модель позволит полноценно вовлечь неисчерпаемый источник роста – человеческий капитал. Однако при очевидных стратегических выигрышах это потребует преодоления сопротивления элит, радикальных институциональных, а не точечных реформ, и даже смены «цивилизационного кода» страны. Все это может привести к «застреванию» России между парадигмами, когда официально в программных документах декларируется человекоцентричность, а в реальности сохраняется инерция принципов и подходов ресурсно-технократической модели. Кроме того, В. Гимпельсон [2] особое внимание обращает на качество институтов – именно они формируют спрос на человеческий капитал и создают условия для его эффективного использования, в противном случае простое наращивание человеческого капитала не имеет смысла, поскольку не найдет своего применения. Поэтому не нужно рассматривать человеческий капитал как очередное безусловное «чудо», которое спасет Россию, как, к примеру, в свое время уповали на приватизацию в 1990-х гг. или импортозамещение после 2014 г. Прежде всего, должны быть созданы институциональные условия для предъявления спроса на труд соответствующей квалификации.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Ресурсно-технократическая и человекоориентированная модели – это две полярные стратегии развития, задающие принципиально разную систему координат для экономического развития. В первой человек рассматривается как объект для повышения производительности под призмой принципов использования технологий и ресурсов, во второй – последние служат удовлетворению потребностей человека.

2. Многолетняя опора России на ресурсно-технократическую парадигму, где главным драйвером развития выступала добыча и экспорт сырья, поставила ее экономику в зависимость от колебаний мировых цен. На эти проблемы накладываются естественная демографическая убыль и старение населения, межрегиональные диспропорции развития, несущие в себе национальную угрозу в условиях обширного пространства страны. Кроме того, вследствие санкций технологический суверенитет стал одной из наиболее актуальных национальных целей. Поэтому переход к человекоориентированной модели развития является для России не просто общим абстрактным идеалом, а насущной необходимостью, объективным требованием времени. Это реальный путь перестройки экономики на основе расширенного воспроизводства человеческого капитала и создания нации, способной к устойчивому развитию в условиях нарастающей глобальной нестабильности.

Литература

1. Беглова Е. И. Структура и масштабы бедности в современной России: монография. М.: Экономика, 2011. 167 с. ISBN 978-5-282-03142-3.
2. Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143. DOI 10.32609/0042-8736-2016-10-129-143.
3. Городнова Н.В. Технологический суверенитет России: финансово-экономический анализ и правовые аспекты // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16, № 1. С. 15–36. DOI 10.18334/ep.16.1.124275.
4. Капканчиков С. Стратегические дефекты российской сырьевой модели экономики // Общество и экономика. 2021. № 1. С. 5–21. DOI 10.31857/S020736760013391-9.

5. Митрясова А.С. Трансформация занятости и трудовых отношений под воздействием искусственного интеллекта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 5. С. 128–133. DOI 10.52452/19931778_2023_5_128.
6. Насырова С.И. Основные положения функционирования человеко-ориентированной экономики в категориях универсальной схемы взаимодействия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 29–39. DOI: 10.18721/JE.14602.
7. Насырова С.И. Развитие человеко-ориентированной экономики в России: методика оценки // Экономика и управление. 2024. Т. 30, № 9. С. 1039–1055. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-9-1039-1055.
8. Туруев И., Беляков А. О возможности увеличения темпов роста российской экономики // Общество и экономика. 2013. № 7-8. С. 47–51.
9. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: toward a 21st century fractal innovation ecosystem // International Journal of Technology Management. 2009. Vol. 46, No. 3-4. Pp. 201–234. DOI 10.1504/IJTM.2009.023374.

DOI: 10.34773/EU.2026.5.2

Биоэкономика: состояние и перспективы развития на территории Республики Башкортостан*

Bioeconomy: Status and Development Prospects in the Republic of Bashkortostan

О. ФЕДОРОВА

Федорова Ольга Анатольевна, канд. экон. наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, экономист Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: olgaf79@mail.ru

***Аннотация.** Современной экономической модели, основанной на использовании углеводородов, присущи значительные риски: в частности, падение экспортных цен ведёт к инфляции, а их рост делает внутренние продажи невыгодными для бизнеса. В ходе атак со стороны недружественных стран с применением БПЛА получают повреждения действующие НПЗ и выходят из строя производственные мощности, поэтому государство совместно с бизнесом используют различные инструменты для стабилизации цен на энергоресурсы. Ископаемые энергоресурсы исчерпаемы, а экологические требования стимулируют развитие биоэкономики, которая основана на возобновляемых биоресурсах и биотехнологиях производства энергии, продуктов и материалов. Эволюционный переход на основе традиционной энергетики и возобновляемых источников энергии к биоэкономике даёт синергетический эффект. Цель данной статьи – оценить состояние биоэкономики в Республике Башкортостан и ее перспективы. В статье рассмотрены примеры применения элементов биоэкономики в топливно-энергетическом (ТЭК) и агропромышленном (АПК) комплексе, строительстве, транспорте, промышленности. Сделан вывод о наличии потенциала развития биоэкономики.*

***Ключевые слова:** биоэкономика, биоресурсы, возобновляемые источники энергии, Республика Башкортостан.*

***Abstract.** The modern energy-based economic model carries significant risks, such as falling export prices, which leads to inflation, and rising prices, which makes domestic sales unprofitable for businesses. Drone attacks by unfriendly countries damage operating refineries and disable production capacity, so the government*

* Ссылка на статью: Федорова О.А. Биоэкономика: состояние и перспективы развития на территории Республики Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 5. С. 9–17. DOI 10.34773/EU.2026.5.2.